

УДК 94(47)

ССУДНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Р.А. Мухамедов

Аннотация

В статье рассматривается возникновение ссудно-сберегательной и кредитной кооперации в средневолжской деревне. Предполагается, что эта кооперация явилась ответом на вызов эпохи, требовавшей подъема крестьянского хозяйства. Делается вывод, что она не только помогала выживанию крестьян, но и способствовала развитию рыночных отношений на селе.

Ключевые слова: ссудно-сберегательная деятельность, кредитные и ссудно-сберегательные товарищества, кооперативы, кредит, нищета, крестьяне, ссуда, пайщик.

В настоящее время актуальной проблемой для современного сельского хозяйства России является развитие кредитных сельских кооперативов. В этой связи достаточно важным является опыт работы дореволюционных кредитных и ссудно-сберегательных кооперативов, накопленный до 1917 года.

Главной целью ссудно-сберегательных и кредитных товариществ было кредитование сельского населения прежде всего за счет негосударственных средств. Их *общественно-экономическая значимость* состояла в том, что подавляющая часть крестьян Среднего Поволжья (а это около 10 млн. человек, что в процентном отношении, по сравнению с другими сословиями, превышало 80% населения) в силу ряда причин была либо очень бедна, или «просто» бедна.

С 1904 года, когда был издан закон об учреждениях мелкого кредита, единичные до того времени попытки устройства кредитных и ссудно-сберегательных товариществ приняли характер широкого общественно-народного движения, и кредитная кооперация заняла видное место в экономической жизни страны. Если до 1904 года насчитывалось 306 кредитных и 836 ссудно-сберегательных товариществ с оборотными средствами около 20 млн. руб., из которых большую часть составляли средства городских ссудно-сберегательных товариществ, то через десять лет, к 1914 году, по данным управления по делам мелкого кредита, числилось 9536 кредитных и 3479 ссудно-сберегательных товариществ с оборотными средствами свыше 614 млн. руб. (рост более чем в 30 раз) [1, л. 67–69].

Главную ценность этой организации составляла не численность товариществ и не их финансы, а самая их организация, сложившаяся под влиянием глубоко проникшего в среду трудового населения сознания пользы объединения на почве общих экономических интересов. Именно благодаря этому кредитные и

ссудно-сберегательные товарищества постепенно переходили от типа «учреждений мелкого кредита» к типу «кредитных кооперативов, то есть мало по малому усваивали себе начала кооперации, общность целей и задач, не останавливаясь на чисто банковских началах, начали развивать посредническую и культурно-просветительскую деятельность.

Конечно, в основе успеха лежала финансовая устойчивость кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, в то время как крестьянские сословные кассы, действующие наряду с кооперативами и имеющие с ними одинаковые задачи и компетенцию, продолжали оставаться инертными, вели традиционную переписку из года в год старых долгов и держались только общественными вкладами и сиротскими капиталами. На этом фоне кооперативы явились источником живого, подвижного кредита и вместилищем народных сбережений.

Почему кредитные и ссудно-сберегательные товарищества стали тем средством, которое помогало многим крестьянским хозяйствам выбиться из нищеты и успешно развиваться, а другим – показало путь к лучшей и обеспеченной жизни? А все дело в том, что, по мнению В.Ф. Тотомианца, кредитный кооператив являлся товариществом малоимущих, созданный с целью получения бедняками взаимного кредита для улучшения своего хозяйства и приема мелких сбережений. Теоретик кооперативного движения объяснял *общественно-экономическую безальтернативность* кредитной кооперации тем феноменом, что она помогла поставить на службу общественных интересов крестьян «сугубо эксплуататорское», капиталистическое по духу учреждение – банк, то есть его потенциальные экономические возможности ускорения производства прибавочной стоимости, обеспечивающей расширенное крестьянское производство, в то время как настоящий капиталистический банк – орудие еще большего обогащения уже богатых промышленников торговцев, приращения капиталов денежной аристократии. Тотомианц справедливо считал, что кредитная кооперация не является «орудием эксплуатации», так как кооперативные банки, в отличие от действительно олигархических кредитных учреждений – крупных банков, «содействуют промыслу или хозяйству крестьян... освобождая их от дорогого ростовщического кредита и улучшая хозяйство» [2, с. 70–71].

Крестьяне начали вкладывать те немногочисленные денежные средства в свои хозяйства, а не раздавать их помещику, перекупщику и ростовщику. В деревне появились *необходимые средства для ее постепенного развития*. Общая масса вкладов увеличилась в регионе за 1901–1914 гг. почти в 82 раза, составив солидную сумму почти в 50 млн. руб. Наибольший прирост наблюдался в средневолжских губерниях, где частные вклады за этот период выросли в 146 и 125 раз. *И ведущую роль в привлечении средств играли именно кредитные товарищества*. В Среднем Поволжье общие объемы вкладов в них преобладали начиная с 1906 года. Особенностью было то, что на протяжении всего периода прирост вкладов в ссудо-сберегательных товариществах был больше, чем в кредитных.

Основной прирост вкладов, как и в целом по России, приходился в Средневолжском регионе на время после 1907–1908 гг., когда их средний ежегодный приток составлял от 0.5 до 5.7 млн. руб., а накануне 1914 г. – 12.6–14.3 млн. руб. Наибольшие объемы вкладов в абсолютном выражении приходились на Самарскую, Саратовскую, Казанскую губернии. Именно *частные вклады* составляли

основную часть заемных средств кредитных кооперативов. Они все более завоевывали доверие крестьянского населения. Столь быстрый рост объема вкладной операции, по мнению исследователя мелкого кредита А.П. Корелина, объяснялся в первую очередь ростом накоплений в деревне, особенно у ее зажиточных слоев (см. [3, с. 117]).

В 1912–1914 гг. приток вкладов сделался настолько обильным, что кооперативы во многих районах испытывали затруднения в размещении средств. Некоторые товарищества понижали проценты по вкладам, другие совсем прекратили прием вкладов, наконец, самые оборотистые переводили средства в виде вкладов в другие товарищества. Наибольшее распространение «перекачка» средств получила в Самарской губернии в процессе проведения хлебозалоговых операций.

Когда кредитные и ссудно-сберегательные кооперативы начали вставать на ноги, набирать силу, деревня постепенно прекращала быть источником поступления финансовых средств в руки крупных землевладельцев и промышленников, которые государство выкачивало из деревни через налоги и систему сберегательных касс, куда крестьяне были вынуждены нести свои свободные средства, так как другие кредитные учреждения были преимущественно до 1905–1907 гг. недостаточно хорошо развиты.

Несомненно, *ссудные операции способствовали укреплению социально-экономического положения сельского населения*. Достаточно высокое материальное положение кредитных товариществ поднимало и материальное благосостояние их членов. «Опека» кредитных товариществ стоила государственной казне довольно дешево. На 1 апреля 1916 г. правительственные ассигнования кредитной кооперации достигли 372 млн. руб., из которых использованы товариществами не многим больше третьей части (на 1 апреля 1916 г. – 111 млн. руб.). Другими словами, правительство всегда имело гарантии возвращения государству вложенных в кооперацию средств. По сравнению с советским временем, правительство не вкладывало в кредитную и ссудно-сберегательную кооперацию невозвратные бюджетные деньги.

К 1917 году в регионе основную массу средств кредитной кооперации уже составляли не собственные и не казенные капиталы, а частные вклады и займы, причем их доля заметно увеличилась. Кассы мелкого кредита, помимо выдачи ссуд, с самого начала стали привлекать значительное количество свободных средств в качестве вкладов. Вклады касса могла принимать по своему уставу всех видов: на сроки, бессрочные, условные, а также открывать текущие счета. При чём для последних операций требовалось особое постановление земского собрания (см. [4, с. 85]). Вклады являлись главными источниками оборотных средств товариществ.

В кредитной кооперации большинство составляли мелкие вкладчики, однако наряду с ними имелись и очень крупные, с вкладами 500 и более рублей. По данным М.Л. Хейсина, взятым из отчетов Управления мелкого кредита, в 822 товариществах мелкие вклады составляли 55%, но их общая сумма равнялась 9% всей вкладной суммы. Крупные вклады составляли 12%, и их доля равнялась 60.7% всей вкладной суммы. О том, что стояло за этими цифрами, говорят данные о вкладах кредитных товариществ Хвалынского уезда Саратовской губернии: Сухо-Терешанского, Адоевщинско-Терешанского, Акатно-Ма-

зинского, Сосново-Мазинского. В 1906 г. 17% их клиентов, располагавших в среднем вкладами свыше 500 руб., внесли 53% всей суммы вкладов. На остальные 83% со средним размером вклада 52 руб. приходилось 47% общей их суммы (см. [5, с. 78]).

Преобладание привлеченных средств над правительственными оказалось господствующей тенденцией, хотя доля всех средств на одно кооперативное учреждение и одного участника уменьшилась. Причиной такого уменьшения оборотных средств кредитных кооперативов был необычайно быстрый рост самих учреждений и их участников. Для растущего количества кооперативов в условиях развития товарно-денежных отношений правительство просто не могло изыскать необходимые средства. Поэтому на привлеченные средства в системе общих оборотных средств на одно учреждение приходилось 66.6%, а на одного участника – 66.4%. Теперь значительная их часть не изымалась государством через сберегательные кассы, а шла на производственные нужды крестьян-земледельцев.

В средневолжских губерниях, особенно в Самарской и Казанской, практиковалось внесение вкладов хлебом. Такие примеры описаны В.Ф. Тотомиянцем, А.П. Корелиным (см. [6, с. 291–292; 3, с. 167]). Обычно, зажиточный крестьянин, имеющий большие запасы хлеба, передавал этот хлеб в распоряжение товарищества по определенной цене с уплатой ему денег в назначенный срок. Сумма, причитающаяся ему за хлеб, зачислялась срочным вкладом, а товарищество выдавало своим членам ссуды этим хлебом, идущим, главным образом, на потребление, иногда же и на посев. Хлеб, переданный в распоряжение товарищества, оставался в амбаре вкладчика, а заемщики получали его из этого же амбара по ордерам правления. Операция эта была выгодной как для вкладчика, так и для товарищества. Вкладной хлеб принимался по рыночной цене или по цене с надбавкой, но, во всяком случае, по ценам меньшим, чем те, по которым покупали бы хлеб заемщики товарищества из денежных ссуд весной.

Однако вклады хлебом имели и свои отрицательные стороны. Часто эта операция давала простор злоупотреблениям членов правления, принимающих плохой хлеб по высоким ценам и навязывающих его в ссуды рядовым членам (например, подобные злоупотребления были обнаружены ревизией в Ходяшевском кредитном товариществе Казанской губернии). Кроме того, при проведении таких операций возникала опасность распространения в товариществах потребительского кредита, так как ссуды хлебом шли главным образом на потребление и лишь часть – на производственные нужды.

Выдача ссуд являлась еще одной важнейшей функцией кредитных кооперативов региона. Многие товарищества, располагая ограниченными средствами, далеко недостаточными для выдачи долгосрочных ссуд, выдавали исключительно краткосрочные ссуды. Между тем заемщики в силу неизвестных условий иногда обращали полученные ими краткосрочные ссуды на такие хозяйственные обороты, которые по своему характеру не позволяли им расплачиваться с товариществами в годовые сроки. Этим именно объяснялись отдельные случаи переписки (реструктуризации) выданных ссуд, против повторения которых непременно применялись меры со стороны Инспекции мелкого кредита. *Отсрочка ссуд* имела место практически во всех учреждениях. В то же время жизненность

отсрочки в большинстве случаев объяснялась тем, что ссуды по неопытности членов Правлений товариществ были выданы *несоразмерно с кредитоспособностью заемщиков*, в некоторых случаях причиной отсрочки был недород хлеба и ослабление хозяйств после ухода работников на войну. В последних случаях даже инспекция мелкого кредита не выступала категорично против (см. [7, л. 16–17]).

Средний кредит на одного человека к концу 1914 г. составлял в ссудно-сберегательных товариществах 179.2 руб., в кредитных – 110 руб. Средний размер ссуды на это же время равнялся 57.7 руб. (см. [8, с. 49]). Согласно «образцовым уставам», члены товарищества несли взаимную ответственность за убытки кооператива, причем ответственность эта могла быть неограниченной (каждый отвечал всем своим имуществом) или ограниченной (только определенной суммой). Вклады принимались от всех частных лиц, ссудами же могли пользоваться только члены товарищества.

В средневожских губерниях до 1906 и 1908 гг. преимущество в выдаче ссуд было на стороне ссудно-сберегательных товариществ. Затем абсолютные величины ссудной операции стали больше в кредитных товариществах. В большинстве кредитных кооперативов максимальный размер ссуд был невысоким. Например, в Пензенской губернии средняя ссуда на одного члена равнялась 32 руб. [9, с. 72]. По уставу же максимальный размер кредита по личному доверию и поручительству равнялся 300 руб. и до 1 тыс. руб. при обеспечении ссуды залогом. На какие цели расходовалась выданная ссуда? Здесь ответ дают сведения по 19 ссудно-сберегательным товариществам за 1908 г., почерпнутые из саратовских источников. Всего из имеющегося капитала 819.5 тыс. руб. в ссудах находилось 700 тыс. руб. В свою очередь, выделенная сумма тратилась на аренду земли, закупку семян и приобретение сельскохозяйственного инвентаря (57.5%); на строительство и ремонт помещений (21.8%); на личные расходы (11.8%); на торговую деятельность (6%) и на покупку корма для скота (2.9%). Как правило, в соответствии со спецификой аграрного производства ссуды брались крестьянами весной и осенью. Последние выдавались на год под 8–12% годовых, что намного ниже, чем у деревенских ростовщиков. Ссудами крестьяне наделялись по личному доверию, под поручительство и под залог (в качестве такового выступал хлеб). В то время полученный залог не всегда удавалось сохранить, ибо кооперативы располагали слабой базой хранилищ [10, л. 3].

Если полученные деньги разложить на каждого заемщика, то суммы будут небольшими, их далеко не хватало для подъема крестьянского хозяйства. В частности, по Саратовскому уезду на каждого пайщика приходилось по 32 руб., по Царицынскому – по 37 руб. Всего на 313 тыс. крестьянских хозяйств в 1902 г. приходилось лишь 5 млн. 936 тыс. руб. займов [11, л. 2]. Между тем тогдашняя реальность диктовала необходимость развивать любую форму кредитования крестьян; в декабре 1908 г. Министерство финансов в своем послании Государственному Совету подчеркивало возросшую потребность среди крестьян в кредите. По мнению министерских чиновников, крестьяне держали у себя 4/5 всего выращенного хлеба и от безденежья продавали его за бесценок, тем самым подрывая ценовую политику на внутреннем рынке. «Поддержка крестьян осе-

нию есть вместе с тем поддержка частных земледельцев и всего сельского хозяйства», – писали они в Госсовет [12, л. 16].

Таким образом, деятельность крестьянской ссудно-сберегательной и кредитной кооперации была достаточно успешной и помогала поднимать российское сельское хозяйство на новые рубежи.

Summary

R.A. Mukhamedov. Loan Saving Activity of Peasant Cooperation in the Middle Volga Region in Early 20th Century.

The article considers formation of loan saving and credit cooperation in Middle Volga village. This cooperation is supposed to be a response to challenge of the epoch that required country facilities' rise. Not only did it help the peasants to survive, but also promoted development of market relations in village.

Key words: loan saving activity, credit and loan saving partnerships, cooperative society, credit, poverty, peasants, loan, shareholder.

Литература

1. Государственный архив Самарской области (ГА СО). – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 436.
2. *Тотомианц В.Ф.* Кооперативная хрестоматия. Сборник статей, речей и изречений о кооперации. – Прага, 1922. – 147 с.
3. *Корелин А.П.* Кооперация в общественно-политической жизни России в начале XX века // Отеч. история. – 1992. – № 4. – С. 117–126.
4. *Хижняков В.В.* Земство и кооперация. – М., 1918. – 207 с.
5. *Хейсин М.Л.* История кооперации в России. Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. – Л.: Время, 1926. – 327 с.
6. *Тотомианц В.Ф.* Кооперация в русской деревне. – М., 1912. – 270 с.
7. Государственный архив Ульяновской области. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 116.
8. *Зак А.* Трудовое товарищество (кооперация). – СПб.: Книгоизд-во «Трудовой союз», 1907. – 311 с.
9. Российский Государственный исторический архив. – Ф. 23. – Оп. 9. – Д. 121. – Л. 11.
10. ГА СО. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 1.
11. ГА СО. – Ф. 538. – Оп. 1. – Д. 5.
12. ГА СО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 48.

Поступила в редакцию
20.05.08

Мухамедов Рашид Алимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета.

E-mail: kafregion@sv.ulsu.ru